

Едва Бай Цзыму выскользнул за дверь, как Цзян Сяои тут же открыл глаза. Он, похоже, и не спал вовсе — взгляд его был ясным, лишённым всякой сонливости. Он встал и растерянно посмотрел на дверь, его глаза были пусты.

Бай Цзыму ушёл.

Сердце Цзян Сяои будто скрутили в узел, стало трудно дышать, мучительно тяжело.

Спустя некоторое время он, словно очнувшись, поспешно натянул обувь и, спотыкаясь, выбежал на улицу.

Он думал, что Бай Цзыму уходит навсегда, и бросился за ним к выходу из деревни. Но, почти добежав, он резко остановился.

Медвежонок стоял у двора семьи Хуан. Маленький комочек шерсти припал к плетню и, словно воришка, высматривал что-то. Увидев развешанную под карнизом цветастую одежду, он наконец убедился: это дом семьи Хуан, он не ошибся.

Цзян Сяои увидел, как тот спрыгнул с плетня, упёр лапы в бока и вышел на середину дороги — прямо напротив ворот дома Хуан. И вдруг начал сходить с ума.

Ну, не то чтобы сходить с ума, но поведение Бай Цзыму было действительно странным.

Две его лапки были сложены вместе, только указательный и средний пальцы выпрямлены и соединены. Он поднёс их к мордочке, а коротенькую левую ногу согнул, касаясь земли лишь кончиками пальцев, и начал трястись. Трясся он так сильно, словно его било током, Цзян Сяои даже видел остаточные изображения. Он также услышал, как Бай Цзыму что-то бормочет.

— Небо кругло, земля квадратна, девять законов — вот устав. Я, Золотой, пишу указ, и мириады духов прячутся тотчас. Вверху — Три Чистых, внизу — отклик души. Небо ясно, земля светла, второй росчерк — меч предка, призываю небесных богов! Двигаю небесных воинов, третий росчерк — злой дух обратится в добро, а призрак станет видим...

Пробормотав это, Бай Цзыму остановился. Никто не явился.

Он нахмурился, подумав, что, возможно, его мастерства не хватает или он перепутал заклинание. И снова принялся трясти своей короткой ножкой.

— Призываю призрачных солдат, прошу призрачных генералов, старый предок с горы Иньшань, помоги мне в моих делах. Я отдаю приказ, блуждающие души четырёх сторон,

немедленно явитесь! Если ослушаетесь, тут же попадёте в царство мёртвых. Спешите, как велит закон...

Цзян Сяои застыл. «...»

Каждый раз, когда в деревне кто-то умирал или чувствовал, что его одолела нечисть, и никакие лекарства не помогали, люди приглашали шаманку. Когда Цзян Сяоэру был год, двоюродная бабушка, видя, что ему никак не становится лучше, а по ночам он постоянно просыпается в страхе, сказала его отцу, что маленькие дети легко привлекают нечистую силу, а Цзян Сяоэр к тому же слаб здоровьем, так что он вдвойне уязвим. Раз он так плачет по ночам, может, стоит пригласить шаманку. Отец пошёл в соседнюю деревню и нашёл её.

Та шаманка, придя в их дом, вела себя точно так же: трясла ногой, бормотала заклинания, а потом начинала танцевать вокруг Цзян Сяоэра. Сейчас Бай Цзыму был вылитый она.

Бай Цзыму тряс ногой до тех пор, пока её чуть не свело судорогой, и наконец призвал одного призрака. Это был маленький старичок.

— Почтенный господин, низжайше приветствую. Не знаю, по какому делу вы меня вызвали?

— Есть ли поблизости какие-нибудь особенно свирепые призраки? — спросил Бай Цзыму.

— Свирепые? — старичок подумал, что Бай Цзыму хочет собрать отряд для драки, и, поразмыслив, тут же ответил: — Есть. Полгода назад в деревню Шилитунь вернулась партия призраков. Среди них есть один мужик, он на границе врагов рубил. Ростом больше восьми чи, а людей кромсает, как дыни...

— Стой, стой, — прервал его Бай Цзыму. — Ты что, ещё больший хвостун, чем я? Мне не нужен призрак-мужчина, нужна женщина, чтобы драться умела, такая, знаете ли, баба-гром.

Госпожа Хуан пнула его, а сегодня ещё и посмела оскорбить Цзян Сяоэра и Цзян Сяосаня. Бай Цзыму не мог этого стерпеть. Старые и новые обиды смешались, и он решил проучить её. Но он всё-таки был мужчиной с железным характером. Мужские руки созданы для великих дел, а не для того, чтобы бить женщин. Это совсем не по-мужски! На такое низкое дело он пойти не мог, пришлось искать другой способ.

Старичок почесал в затылке. Призрак-баба-гром? В окрестностях... такая действительно была.

— Господин, в городе Пинси пару месяцев назад умерла одна женщина. Ох, и лютая же она была.

Бай Цзыму заинтересовался:

— О, и чем же она так люта?

— Эта женщина при жизни была разбойницей, двадцать лет хозяйничала на горе Ньютоу. Взяла себе восемь мужей. Недавно я видел её мужей, у всех зубов не хватает. Говорят, это та разбойница им выбила. Она была очень сильна, одним ударом могла выбить два зуба. Её мужья и сейчас, став призраками, говорят, шепелявя! — старик говорил с содроганием. — На днях её третий муж, заскучав под землёй, вышел прогуляться. Когда собрался возвращаться, столкнулся со старухой из деревни Люцзян. Он всего лишь взглянул на неё, а когда вернулся, разбойница сказала, что он негодяй, даже на старух заглядывается, смеет строить глазки, и влепила ему такую пощёчину, что тот чуть снова не умер.

Глаза Бай Цыму загорелись.

— Отлично! Эта подходит. Где она? Быстро зови её сюда.

— Господин, подождите минутку.

Вскоре привели призрачную женщину. Увидев Бай Цыму, она чуть слюной не подавилась, но, понимая, что перед ней не просто так, не смела действовать опрометчиво.

— Господин.

Бай Цыму поманил её к себе и что-то прошептал на ухо. Призрачная женщина, поклонившись, с уважением ответила:

— Господин, не волнуйтесь, я всё сделаю в лучшем виде.

Сказав это, она вплыла во двор семьи Хуан. Вскоре оттуда донёсся короткий женский вскрик, который тут же оборвался, словно кто-то зажал ей рот.

Бай Цыму нахмурился и мысленно передал разбойнице новое указание. Через мгновение со двора донёсся ещё один жалобный вопль.

Услышав это, Бай Цыму повеселел. Но, радуясь, он вдруг почувствовал, как поднялся сильный ветер. В его сердце зародилось дурное предчувствие. Он инстинктивно поднял голову и чуть не ослеп от ужаса.

Ну и дела! Прямо на него неслась молния толщиной с бедро.

Бай Цыму отскочил в сторону. На том месте, где он только что стоял, осталась дыра. Холодный пот выступил у него на лбу.

«Мать честная. Если бы не успел отскочить, от меня бы и шерстинки не осталось».

Он подумал, что снова спасся, но тут грянул гром, небо озарилось вспышкой, и на него обрушился новый разряд.

Бай Цзыму молчал. «...»

Он уворачивался влево и вправо, но небеса, казалось, обрели глаза. Одна молния сменяла другую, бесчисленные разряды преследовали его по пятам, куда бы он ни бежал.

У Бай Цзыму волосы встали дыбом, нервы были натянуты до предела. Боясь, что молния ударит в чей-нибудь дом и пострадают невинные, он в панике бросился прочь из деревни.

«Чёрт бы тебя побрал!»

Когда-то он ничего плохого не делал, просто хотел сэкономить на билете и слетать в другой город поесть бамбука, и его ударило молнией. А теперь он всего лишь нанял бойца, не совершил никакого страшного преступления, и снова небесная кара. Неужели красавчики долго не живут? Бай Цзыму был готов расплакаться.

В спешке он упал в яму, только что выжженную молнией. Не успев выбраться, он увидел, как на него стремительно несётся новый разряд.

Небо непрерывно грохотало, вспышки молний следовали одна за другой, как взрывы. Оглушительный рёв сотрясал воздух, вызывая головную боль. Но жители деревни, казалось, ничего не слышали, ни в одном доме не зажёгся свет.

Бай Цзыму уже хотел было собрать всю свою духовную силу и дать отпор, рискнуть всем, но тут сбоку выскочил человек, бросился на него и крепко обнял.

Бай Цзыму посмотрел и обомлел — это был Цзян Сяои. Не успев ничего спросить, он в панике закричал:

— Ты что, дурак, убежал? Жить надоело? Уходи, держись от меня подальше!

— Не уйду, — покачал головой Цзян Сяои, его лицо было бледным.

Бай Цзыму оттолкнул его, пытаясь убежать в сторону и увести за собой молнии, но небесная кара была слишком быстрой. Не успел он выбраться из ямы, как Цзян Сяои снова обнял его, прикрывая своим телом.

Молния толщиной с бедро остановилась всего в двух сантиметрах от них, а затем, словно утренний туман, внезапно рассеялась.

Вокруг воцарилась тишина.

Кажется, опасность миновала.

Цзян Сяои крепко зажмурился, в ушах стоял гул, он не смел открыть глаза.

Бай Цзыму, крепко прижатый к нему, видел, что тот, хоть и побледнел от страха и дрожал всем телом, всё равно пытался его защитить. Внезапно на сердце у него потеплело. Он шевельнулся.

— Ты как здесь оказался? Ты же спал?

Цзян Сяои, всё ещё не придя в себя, открыл глаза и посмотрел на небо. Убедившись, что молний больше нет, он с облегчением выдохнул. Он не ответил прямо, лишь тяжело дыша, принялся ощупывать Бай Цзыму, взволнованно спрашивая:

— Ты не ранен?

Когда молнии преследовали Бай Цзыму, он хотел броситься к нему, но тот бежал так быстро, что он никак не мог его догнать.

— Не ранен, — Бай Цзыму вытер холодный пот. — Отпусти меня.

Цзян Сяои разжал руки. Небесный Путь, казалось, следил за ним. Едва Бай Цзыму отделился от Цзян Сяои и не успел выбраться из ямы, как грянул гром, и новая молния устремилась к нему.

Бай Цзыму застыл. «...»

Цзян Сяои тут же снова схватил Бай Цзыму, и молния исчезла.

Бай Цзыму моргнул, в качестве эксперимента спрыгнул с рук Цзян Сяои, и тут же ударила новая молния.

Бай Цзыму снова запрыгнул к Цзян Сяои на руки, и молния снова исчезла.

Бай Цзыму всё понял. Небесный Путь не трогает невинных смертных.

— Цзян Сяои, неси меня домой, — сказал он.

Цзян Сяои кивнул. Раньше, когда Бай Цзыму говорил, что в него ударила молния величиной с их кадку для воды, он не верил. Сегодня, увидев всё своими глазами, он был по-настоящему напуган. У него подкашивались ноги, в горле пересохло, а сердце бешено колотилось.

Бай Цзыму поднял голову. Небо было чёрным, но иногда вспыхивали молнии. Небесная кара всё ещё висела над его головой, словно ожидая своего часа.

Цзян Сяои тоже это понял и всю дорогу не разжимал рук. Только когда они вошли в дом, до его ушей донёсся древний и властный голос:

— Цзыму, дитя, сегодня я тебя пощажу, но... впредь будь осторожен.

Бай Цзыму застыл. «...Что я такого сделал, чтобы меня щадить? Чёрт бы тебя побрал».

Забравшись на кровать, Цзян Сяои спросил его, почему он не спал ночью, а пошёл к дому семьи Хуан устраивать шаманский танец. И что случилось, почему в него опять бьют молнии?

Бай Цзыму шлёпнул его.

— Какой ещё шаманский танец? Ты, гэ'эр, совсем говорить не умеешь. Я людей собирал.

— Каких людей? — Цзян Сяои, будучи простым смертным, не мог видеть призраков. Он не заметил старичка и теперь был в полном недоумении. — Я никого не видел. Как ты их собирал, если никого не было?

Бай Цзыму ответил:

— ...Задом вилял.

— Опять ты меня дурачишь, — сказал Цзян Сяои. — Ты что, натворил что-то плохое? — Но это было не похоже на правду. Ведь Бай Цзыму сегодня только и делал, что сходил с ума у дома семьи Хуан, ничего особенного. За что же его молниями-то?

Бай Цзыму не стал скрывать:

— Я позвал призрака, чтобы он побил кое-кого.

Услышав это, Цзян Сяои вытаращил глаза.

Бай Цзыму был недоволен. Это не такое уж и страшное преступление. Если бы за такое били молнией, то сколько бы людей на свете уже погибло. Бай Цзыму долго думал и пришёл к выводу, что это из-за того, что он использовал магию, и Небесный Путь заметил его и решил уничтожить. Почему, он пока не понимал, но в будущем ему определённо нельзя было бездумно использовать магию, иначе, как сегодня, он мог бы и вправду отправиться на тот свет.

Цзян Сяои был ужасно любопытен и всё расспрашивал Бай Цзыму:

— В этом мире правда есть призраки?

Бай Цзыму ответил:

— Ещё бы!

— А как они выглядят? Правда, с растрёпанными волосами и высунутым языком? — Цзян Сяои умирал от любопытства.

Бай Цзыму искоса взглянул на него и усмехнулся:

— Выглядят точь-в-точь как ты.

Цзян Сяои замолчал. «...»

Бай Цзыму опять его разыгрывал. Призраки страшные, а он — нет.

На следующее утро Цзян Сяои даже не стал готовить завтрак, а сразу же, обняв Бай Цзыму, пошёл «прогуляться». Не доходя до дома семьи Хуан, он услышал шум. Увидев, что у ворот собралась толпа, он поспешил туда.

Во дворе дома Хуан на досках лежала госпожа Хуан, вся в синяках, и жалобно стонала, словно не ела дней пять-шесть. Голос её был тихим, без былой наглости и задора. Её сын пошёл к старосте просить воловью повозку и ещё не вернулся. Дочь, прикрывая лицо, вместе с двумя невестками рыдала и причитала.

— Матушка моя! Как же вы настрадались! Какой же душегуб так избил мою матушку!

— Что случилось? — спросил кто-то из тех, кто ничего не знал.

С самого утра в доме семьи Хуан стоял шум, плач и ругань. Те, кто пришёл пораньше, уже наслушались и примерно поняли, что произошло.

— Госпожу Хуан ночью избили.

— Что? Кто избил? Дверь что ли не заперли?

Конечно, заперли. В каждой деревне найдётся пара негодяев, любящих таскать кур и собак. Крестьяне днём устают, а ночью спят мёртвым сном. Если не запереть дверь, вор зайдёт, и не заметишь. Госпожа Хуан заведовала хозяйством, все деньги прятала у себя в комнате. Даже когда выходила на минутку в туалет, запирала дверь. А уж на ночь засов задвигала крепко-накрепко.

— В том-то и странность. Засов в её комнате изнутри, перед сном она всегда его задвигает. Посторонний точно не мог войти. Так как же её избили?

Одна женщина, нахмурившись, тихо сказала:

— И ещё, когда её били, её муж лежал рядом. Посмотрите, как сильно её избили, она наверняка кричала. Её муж, как бы крепко ни спал, не мог не услышать! Но он говорит, что только утром, проснувшись, заметил, что её избили, и тогда поспешно открыл дверь и послал сына к старосте за повозкой.

— Откуда ты так хорошо знаешь?

— Дядя Хуан сам сказал.

— Я тоже слышала. Я даже заглядывала в их комнату, ужас, на кровати шесть зубов валялось.

— Неудивительно, что у тётушки Хуан так рот распух.

— Но, кажется, и её дочь получила пару пощёчин.

— Так что же всё-таки произошло?

— Не знаю, дело какое-то нечистое. И ещё, посмотрите на землю, почему тут столько ям?

Ямы были не совсем ямы, скорее трещины, как будто земля высохла и растрескалась. Но трещины были большие, шириной с палец, словно от сильного удара.

— Ой, и правда, я вчера ходила в огород за овощами, проходила здесь! Тогда такого не было!

Все испугались и, боясь навлечь на себя какую-нибудь нечисть, не стали задерживаться.

Вскоре пригнали повозку, и мужчины семьи Хуан вынесли госпожу Хуан. Когда они проходили мимо, Цзян Сяои увидел, что рот у неё сильно распух, на лице виднелись синие и фиолетовые отпечатки ладоней, волосы были всклокочены, словно её таскали за них и били по лицу. Госпожа Хуан, вспомнив что-то, позвала мужа. Едва она открыла рот, стало видно, что у неё осталось всего несколько зубов.

Цзян Сяои замер. «...»

Он молча посмотрел на Бай Цзыму. Боец, которого тот нанял, был что надо! Выбил почти все зубы.

Бай Цзыму, вытянув шею и увидев госпожу Хуан с лицом, распухшим как у свиньи, рассмеялся.

Цзян Сяои тихо спросил:

— Почему и старшую сестру Хуан избивали?

— У той разбойницы с головой не всё в порядке, перепутала, — немного раздражённо ответил Бай Цзыму.

Цзян Сяои замолчал. «...»

Дочь госпожи Хуан только вчера днём приехала с сыном. Говорили, что поссорилась с мужем и хотела пожить дома пару дней. Не повезло, ночью её избивали. Впрочем, поделом ей. Раньше, до замужества, она, встречая их троих, всегда язвила.

Та разбойница десятилетиями была профессионалом по пощёчинам, и её техника была отточена до совершенства. Бай Цзыму просил только зубы, а не жизнь. Проучить — и хватит. Кроме выбитых зубов, опухшего лица и боли во рту, у госпожи Хуан действительно не было «серьёзных» травм, и в тот же день она вернулась из города.

Другие не знали, но госпожа Хуан всё прекрасно понимала. Когда её били, она никого не видела. Она так испугалась, что тут же закричала, но её муж, как она ни звала, не просыпался. Госпожа Хуан была в ужасе. Но о таком нельзя было рассказывать, что тогда подумают в деревне? Наверное, больше никто не захочет иметь с ними дело.

Вечером к ним домой пришла шаманка. Она и говорила, и танцевала во дворе. Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань, обняв Бай Цзыму, пошли посмотреть. Бай Цзыму долго смотрел и наконец понял, почему Цзян Сяои вчера сказал, что он устраивает шаманский танец.

«Чёрт побери! Сейчас, со стороны, это действительно было похоже на шаманский танец».

Шаманы обычно занимаются шарлатанством, но это не значит, что среди них нет настоящих мастеров. Некоторые действительно обладают способностями.

Цзян Сяои собирался готовить ужин, когда вернулись Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань. Малыши пошли в огород за овощами. Цзян Сяои вошёл в комнату и заметил, что Бай Цзыму чем-то недоволен. Увидев его, он тут же фыркнул.

Цзян Сяои улыбнулся и сел рядом.

— Что случилось?

Бай Цзыму молчал.

Цзян Сяои это не смутило. Он осторожно спросил:

— Бай Цзыму, какие люди тебе нравятся? Девушки или гэ'эры?

Его недавние «ухаживания» не принесли никаких результатов. Цзян Сяои долго думал и решил всё-таки спросить.

Бай Цзыму искоса взглянул на него и тут же ответил:

— Мне нравятся медведицы.

Цзян Сяои застыл. «...»

Это усложняло дело. Он попытался его переубедить:

— Вообще-то, гэ'эры тоже очень хорошие. Тебе стоит присмотреться, обратить внимание на тех, кто рядом. Может, ты заметишь, что среди них есть кто-то выдающийся. Если присмотришься, то, возможно... возможно, найдёшь подходящего тебе гэ'эра.

Бай Цзыму молчал. «...»

Не подумав, он выпалил:

— Мне нравятся только медведицы. Пушистые. Цзян Сяои, мы... мы правда не подходим друг другу!

Увидев, что Цзян Сяои снова пошёл точить нож, а потом два дня ходил сам не свой, Бай Цзыму

пожалел о своих словах.

Цзян Сяосань был не очень умным, но и он заметил, что со старшим братом в последние дни что-то не так. Он так переживал, что даже ел без аппетита. Из всех четверых в семье он больше всех любил Цзян Сяои. Даже отец и Цзян Сяоэр были на втором месте.

В тот день Цзян Сяои взял его с собой стирать бельё. Цзян Сяосань стоял в тазу, топча ногами одежду, и, нахмутив свои маленькие бровки, спросил:

— Старший брат, что с тобой? Ты не рад?

— М? — не понял Цзян Сяои.

Цзян Сяосань был очень преданным.

— Старший брат не рад, кто-то тебя обидел? Скажи Сяосаню, Сяосань его отругает, хорошо?

Цзян Сяои на мгновение замер. Вероятно, накопившиеся в душе переживания, которые не с кем было разделить, давили на него. Хоть он и понимал, что Цзян Сяосань ещё мал и ничем не поможет, он не мог удержаться. Он сказал, что в последнее время ему тяжело.

Цзян Сяосань почесал в затылке и спросил, что его мучает.

Цзян Сяои снова решил обмануть брата и придумал историю о друге.

— У старшего брата есть друг, тоже гэ'эр. Ему скоро двадцать. Он... он не очень красивый, и у него на попечении две младшие сестры. Семья очень бедная. Но однажды он случайно познакомился с очень красивым парнем. У того парня, должно быть, очень богатая семья. Моему другу понравился тот парень, но парень его не любит. Как бы мой друг ни старался угодить, ничего не получается. Что же делать...

Он долго и сбивчиво рассказывал. Цзян Сяосань был сбит с толку, но в общих чертах понял. У друга старшего брата некрасивая внешность, но он влюбился в красивого старшего брата, и теперь переживает, думая, что это неправильно.

«И что с того?»

Цзян Сяосань моргнул своими чёрными глазками и тут же сказал:

— Старший брат, неважно, что мы некрасивые. Главное — мечтать о красивом.

Цзян Сяои застыл. «...»

— Старший брат, ты обязательно утешь своего друга. Человек должен иметь мечту. Вон, даже жаба мечтает о лебедином мясе!

Цзян Сяои смотрел на него и смеялся. Ему так хотелось запихнуть этого мальчишку в реку.

«Вот же паршивец».

<http://bllate.org/book/13701/1589040>